Андрей Коннов

Записки базарного дворника

Из 90-х годов...

Андрей Коннов

Записки базарного дворника из 90-х годов

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Коннов А. А.

Записки базарного дворника из 90-х годов / А. А. Коннов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Молодой, успешный офицер, после начала своей службы в столице одной из благополучных прибалтийских республик, после распада СССР, оказывается в провинциальном городке, в Российской глубинке, где продолжает службу в учебном полку, из которого, в начале 90-х годов увольняется в связи с сокращением. Гражданская и семейная жизнь у него не складывается, и он оказывается на самом дне, без семьи и друзей, без работы и средств к существованию. Удачное стечение обстоятельств даёт ему верный шанс начать всё заново. Но труден и тернист путь к возвращению в нормальную жизнь. Действие происходит в середине 90-х годов прошлого века.

© Коннов А. А., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Посвящаю своей жене Елене.

ЗАПИСКИ БАЗАРНОГО ДВОРНИКА ИЗ 90 – х. ГОДОВ.

РАБОТНИК МЕТЛЫ И ЛОПАТЫ
«Над чёрной слякотью дороги
Не поднимается туман
Везут, покряхтывая дроги
Мой полинялый балаган…»
А. Блок.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
1.

… Я проснулся поздней декабрьской ночью от позывов к мочеиспусканию и невыносимой жажды, одновременно. В состоянии потусторонней реальности пошлёпал босыми ногами по полу в туалет, затем прямиком на кухню. Долго глотал остывшую воду из носика чайника и смотрел в окно – оно напротив плиты. Давящая, густая темень. Фонари равнодушно глядят в пространство какими-то тоскливо – оранжевыми, безжизненными глазищами, навевая замогильное уныние и болезненное состояние души. На улице – никого. Даже бродячих собак, которые здесь бегают стаями несметными, и тех не видно. Тишина. Лишь ветер гоняет лёгкую снежную порошу, напополам с пылью по пустой дороге. Снега почти нет. Холодная темнота с примесью ядовитого, неживого свечения фонарей. С похмелья невыносимо гудит голова. Она кажется такой тяжёлой, будто у меня на плечах наполненный аквариум и надо двигаться осторожно, чтобы не расплескать содержимое. Но я знал: в кармане старого армейского бушлата, в котором я хожу на работу, есть избавительный эликсир – пузырёк настойки боярышника! Я скользнул в коридор к вешалке, и начал обшаривать бушлат с такой тщательностью, с какой мартышка ищет блох на своём детёныше. Но пузырька не обнаружилось! «Неужели я выпил вечером и его»? – с огорчением подумалось мне, и ноги сразу стали ватными, а в сердце закололо. Однако, моё второе «Я» – мой внутренний голос, ни разу ещё меня не подводивший (это я его подводил, когда не слушал), твердил: «Ищи! Он цел»! Лунатической походкой побрёл я назад в кухню к допотопному холодильнику, рванул нетерпеливо дверцу… Вот! Стоит, как миленький! На верхней полке! Не начатый! Я остервенело, скрутил крышку, глотнул семидесятиградусную спиртовую жидкость, но так, что бы выпить ровно половину. Запил глоточком воды…Тяжесть отпустила. Аквариум постепенно исчез. Тогда я добил остальное. Захотелось курить, но сигарет у меня не осталось. И я решил немного поесть. В холодильнике стояла кастрюля с полуфабрикатным борщом на бульонных кубиках, который я варю на неделю, банка майонеза, быстроразваривающаяся вермишель, и белел пяток яиц. В дальнем уголке на тарелке, скукожились два солёных огурца… Я пожевал огурец, заел его куском чёрного хлеба с майонезом, и так вот заглушил чувство голода. В животе бушевало тепло от выпитого, и я почувствовал даже лёгкую эйфорию… Глотнув ещё водички, я отправился спать. Долго ворочался на старом продавленном диване, но всё – же уснуть смог…

Утреннее пробуждение оказалось не таким тяжким, каким могло бы быть, не употреби я среди ночи этот напиток – выручалочку всех страждущих, но всё равно – муторным… Я долго умывался, кряхтя и кашляя. Потом кипятил в чайнике воду, заливал кипяток в осточертевшую китайскую лапшу, жевал давясь. После пил чай. И всё это без аппетита, с отвращением…

Я живу один. В съёмной однокомнатной квартире, на четвёртом этаже старой панельной «хрущёвки». До меня здесь проживала древняя старушка. Её сильно поношенные подшитые валенки – до сих пор стоят в совмещённом санузле на батарее. А в комнате – остался неистре-

бимый, затхлый запах старых вещей, которые были завязаны в большой узел и пролежали в квартире неведомо сколько, пока новая хозяйка и наследница – племянница старушки, пустила меня сюда жить, а бабкино тряпьё – разрешила вынести на помойку. Только валенки я, почему-то, тронуть не решился… Плату она назначила мне божескую, ничем не докучает. Взамен я строго исполняю её требование: не превращать квартиру в шалман! Не вожу сюда собутыльников, а женщины на меня такого, каким я стал – и не смотрят!

Работаю я на рынке. Дворником. Место работы от моего дома в ста метрах. Уже почти год так существую… У меня нет жены. Мы разошлись, и она вместе с нашим сыном уехала к родителям в Питер. Здесь, в этом городе, нет у меня никого из родных и близких людей. Жизнь моя беспросветна и бесперспективна. Этакое состояние полураспада… Город глухо провинциален, хоть и не мал. Здесь было моё последнее место службы. Я служил замполитом роты в учебном полку РТВ. Но наступили новые времена, полк расформировали, командный состав – кого куда… Одни отправились дослуживать туда, где люди не живут, другие – на пенсию. А политработников – просто ликвидировали, как класс. Я пенсии ещё не выслужил, и был уволен в запас по сокращению. При Союзе, по назначению – я попал служить в Прибалтику. Это было исключительным везением! Некоторые оказались на берегу Северного Ледовитого океана, правда, на берегу южном, как грустно шутили потом.

Закончил я Ленинградское высшее военно-политическое училище ПВО. И, хотя я сам родом тоже из провинциального городка, моя бывшая жена – ленинградка, и закончила факультет иностранных языков ЛГУ. Мы поженились перед выпуском, жили вполне счастливо в отдельной казённой просторной квартире в маленькой, уютной республике, на берегу Балтийского моря. Служил я вполне успешно и добросовестно. А потом, после развала Советской империи, судьба забросила нас сюда. Квартиру мы уже снимали. И после чистой, ухоженной, воспитанной Прибалтики – русская глубинка показалась нам чем-то невыносимо тоскливым и дремучим… Хотя, я и сам из провинции, повторяю. Но мой родной одноэтажный, спокойный городок, где все друг друга знают, был совсем не такой, как этот…

Город весной и осенью утопал в грязи, а летом задыхался в пыли, иссушаемый знойным, почти что, южным солнцем. Разбитые дороги, выщербленные замусоренные тротуары, запущенные скверы и парки… Народ тут диковатый и хамоватый. Матерятся громко и повсеместно, никого не стесняясь. Даже дети… И словно бы – гордятся этим! Незнакомым пренебрежительно говорят «ты», независимо от возраста… Шпана чувствует себя на улицах хозяевами. Сходить в выходной день, кроме кинотеатра – совершенно некуда. Хоть жена и нашла себе работу в библиотеке, её характер, вследствие такой резкой перемены обстановки и профессиональной невостребованности – тоже поменялся. Она стала раздражительной и капризной. Да и я не стал лучше – начал попивать всё чаще и чаще… Иногда пускался в блуд. Мы всё сильнее отдалялись друг от друга, замыкались, каждый в себе, но боялись сами это признать, и просто поговорить по душам. Былое тепло в отношениях между нами таяло. Вместо него – появлялось равнодушие и усталость. После моего увольнения из армии – я получил приличные деньги. Жена предложила ехать в Ленинград, тогда уже вернувший себе своё исконное название, но я не мог представить нашу жизнь там: в трёхкомнатной квартире её родителей, вместе с ними, да ещё с её младшей сестрой – студенткой, девушкой на выданье… Мы купили машину. Свеженький, беленький «Volkswagen Jetta», и я занялся частным извозом… Возил людей по городу, его окрестностям, и в Москву – благо она находилась недалеко – на оптовые рынки, начинающих собственное дело мелких уличных торговцев за небольшими партиями товаров. Было нелегко, но деньги зарабатывал неплохие, по тем временам. Я был сам себе хозяином, очень гордясь таким положением. Пока, однажды, не попал в страшную аварию. Сам отделался ушибами головы и грудной клетки, а моя машина превратилась, одномоментно, в груду бесполезного искорёженного металла и битого стекла. Я на этом, внезапно для самого себя, душевно сломался, и запил по-настоящему. Когда же я немного очнулся, то понял: семьи

нет, денег нет… Но сам, по какому-то недоразумению, ещё живу… И надо как-то жить дальше. Я распродал всё, что представляло хоть какую-то ценность, расплатился с долгами за квартиру, с прочими, которые успел наделать ради пьянства – и денег почти не осталось. Ехать на родину к родителям – было не то, что стыдно, а просто немыслимо… Я решил остаться здесь на какое-то время, привести в порядок свои мозги и состояние души, а дальше будет видно. Как-то, во время моих бесцельных шатаний по городу (себе я врал, что ищу работу), я повстречал Людмилу – одну из моих постоянных клиенток по поездкам в Москву. Это полнотелая, но не лишённая привлекательности женщина, лет сорока – горластая, нахальная, но жалостливая, воспитывающая в одиночку дочь подросткового возраста. На рынке она торговала трикотажем, и весьма прибыльно. Людмила, увидев меня – осунувшегося, небритого, небрежно одетого – поразилась до крайности. А узнав о моих бедах, согласилась помочь: сдать для жилья однокомнатную квартиру её умершей тётки, за умеренную плату, и устроить на работу дворником на рынок, образовавшийся в Заводском районе, и бурно расширяющийся. На рынке можно было подработать ещё и грузчиком, как она добавила. У меня не было выбора, я согласился.

Мне, ещё не отвыкшему до конца от армейской службы – новая работа моя неожиданно понравилась. Не надо каждый день принуждать себя делать многое: бриться, вообще следить за своим внешним видом, приходить в строго определённое время, заступать в суточные наряды по полку, покорно выслушивать начальственную дурь и ругань, видеть серые, сонные лица солдат, обалдевших от муштры и занятий. Никаких регламентов, уставов, конспектов, инспекторских проверок и отупляющего армейского однообразия. Пришёл на работу, отомкнул будку с инвентарём, взял помело, лопату – и шуруй себе! Захотел выпить – да, пожалуйста! Кому какое дело? Нет денег – бабы торгующие «палёной» водкой – бимбером, дадут в долг! Рыночные торговцы – народ весёлый, каждый день что-то новенькое. Правда, приходилось убирать человеческие экскременты, оставленные под прилавками ночью, неизвестно кем. Но совсем-то хорошо – никогда не бывает! Свои минусы есть и в моей работе. Однако, главное: нервы тебе никто не треплет!

Ещё не было девяти часов, когда я поплёлся на рынок. Декабрьское утро вступало в свои права нехотя – день нарождался хмурым. Задувал временами тяжёлый, резкий и пронизывающий северо-восточный ветерок. Торговцы, только начавшие съезжаться и сходиться, неспешно раскладывали свой товар на лотках и прилавках, развешивая на самодельные корявые каркасы, сваренные из арматуры, покрытой ржавчиной – полиэтиленовую прозрачную плёнку. Хоть какая-то защита от ветра и снега… У тех, кто побогаче – были палатки покупные, просторные, с дюралевым каркасом; разборные, крытые цветным прорезиненным брезентом. Все работники прилавков казались неестественно толстыми, неуклюжими, надев на себя множество тёплых вещей и поддёвок, обутые в огромные валенки с калошами – походкой напоминали пингвинов. Некоторые женщины были перетянуты на груди, крест-накрест, пуховыми платками. Они неторопливо перекидывались между собой фразами, зевали, пили из термосов, взятых с собой, чай и кофе. Первые покупатели придут часам к десяти утра, когда станет совсем светло, и продавцы особо не торопились. А ветер, обжигающе – ледяной на открытом пространстве, иногда дул так, что казалось: выметет прочь из души всё человеческое без остатка. Остудит её, и заморозит навеки. Погрузит во мрак, сотрёт из сердца совесть и сострадание, заставит быть алчным и безжалостным… Но эти люди, выброшенные из прошлой, нормальной трудовой жизни, где каждый работал по полюбившейся ему специальности, вышвырнутые на улицу в мутные волны нарождающегося нового российского капитализма – ещё не утратили своих человеческих качеств, приобретённых во времена прежние, когда все жили с ощущением того, что счастливое будущее не за горами, а правилом всего общества – была известная гуманная и наивная формулировка. Поэтому, даже конкуренты на рынке между собой не враждовали, а дружелюбно общались, и помогали порой друг другу. Ведь врагов-то у рыночных торговцев и так хватает. Начиная с природных – холод, дождь, невыносимая жара, и продолжая

служителями новому государству: участковые менты и просто наглые менты, которые норовили поживиться даром, или срубить денег. Налоговая инспекция – высокомерная, алчная, глумливо – бездушная. Сборщики поместовой платы – тоже: продал что-либо, или не продал – гони деньгу! И, конечно же, представители «государства» в государстве – бандиты и рэкет, вылезшие неизвестно откуда и расцветшие бурным сорняком – паразитом! Я всегда удивлялся, хотя это и не моё дело, и не касается меня не коим боком: как смогла внезапно появиться эта популяция двуногой саранчи – «братков»?! Ведь все родились и жили в одном государстве, на одной земле. Советская власть была ещё совсем недавно, несколько лет назад! И эти, нынешние отморозки, ходили в советскую школу, были октябрятами, пионерами, посещали уроки, на которых учили добру, справедливости, читали хорошие, добрые книги, смотрели прекрасные фильмы… И, вдруг, переродились. Из людей превратились в гиен. Кровожадных, хищных, не признающих ничего, кроме своих прихотей. Или, занятые повседневными заботами, мы просто не замечали гнилостной плесени, которая начала пожирать общество? И когда та плесень образовалась?..

А по полупустому рынку уже деловито сновал мой коллега – Вовка Макеев, по кличке Баклан. Искал, где бы ему опохмелиться. Он мой ровесник. Такое прозвище получил за то, что в молодости отсидел за хулиганство два с половиной года – подрался с кем-то по пьянке. На вид он и правда – урка уркой, «кирзовая харя», но на самом деле – человек добрый, душевный, и очень любит свою маленькую дочь. Увидел меня, и радостно ощерился, показывая редкие крупные, с фиксами, зубы:

– Ну и нажрались же мы с тобой вчера, Санёк, – хрипатым голосом заговорил он весело, – в башке гудит!.. Пойдём, сейчас на опохмелку деньжат сшибём… Я знаю где. Одной бабе фрукты выгрузить поможем, и палатку соберём. У неё муж в запое, она без него приехала, сама не справится…

– Ну, пошли, – вздохнул я, – поправить здоровьице надо. Угости сигаретой…

Вовка с готовность протянул мне начатую пачку «Примы», и бодро захрипел:

– Кури, братуха! Ща и на бимбер, и на сигареты заработаем!

Новый рабочий день начинался удачно. А вообще, мы подрабатывали с ним понемногу не только погрузкой – разгрузкой. Собирали ещё пустые ящики из-под бананов, и продавали их торговцам бытовой химией. Переносить товар в них очень удобно, да и хранить тоже. Так же охотно эти ящики покупал у нас премудрый мужичок Иван, торгующий книгами и видеокассетами, на которые он сам переписывал американские боевики и индийские фильмы, опять входившие в моду. На кирпичном заводе, расположенном недалеко от рынка – мы подбирали сломанные деревянные поддоны, ремонтировали их, и тоже продавали всем желающим, чтобы люди не стояли в лужах, или в снегу…

На бутылку сомнительного бимбера, два пончика с ливером, и на две пачки «Примы» мы заработали, и поспешили в свою железную будку, опушённую инеем изнутри, промёрзшую насквозь. Выпили разом отвратительное пойло по полному стакану, не спеша закусили ещё тёплыми пирожками, и с удовольствием закурили.

– Потеплело, а, Саня? – оживлённо рассуждал мой напарник и благостно улыбался, – мы с тобой ещё на Центральном рынке подработку по субботам найдём! Я уже начал там почву прощупывать… Должно получиться! Ставку на двоих поделим… – Вовка жил недалёко от этого рынка, к тому же знакомых у него – полгорода. Поэтому, я и не удивился, и даже обрадовался. По субботам здесь делать нечего, вся торговля перемещается на большой рынок и прилегающие к нему улицы. А там, после окончания торговли, будет работы полно! Это лучше, чем тоскливо лежать на диване в пустой квартире и изучать потолок… Докурив, я сказал приятелю:

– Ладно, пойдём! Пройдёмся по территории, посмотрим, что бы не было мусора, и Чика не придирался…

Мы взяли мётлы, лопаты, большой ящик-волокушу, и отправились исполнять обязанности. От выпитого в голове моей завис туман, а из желудка вырывалась неприятная отрыжка. Но на такие мелочи, внимания я не обращал. Всё было, как всегда. Рабочее состояние… Чика являлся директором рынка. Поставленный местной «братвой» официально, он попутно занимался ещё и сбором «дани» с торговцев на «общак». Это крепыш, среднего роста, бывший боксёр. Молодой, на удивление умный и хитрый, этакой животной хитростью. Одевался он по бандитской моде: в короткую кожаную куртку на меху, широкие спортивные штаны, чёрный джемпер. На шее носил массивную золотую цепь, а на пальцах «гайки», как он их называл. На среднем пальце правой руки – широкий золотой перстень с изображением православного креста, а на мизинце левой руки – золотой перстенёк поуже, но с крошечными бриллиантами. Стригся наголо, да ещё и брил голову. На лице – вдавленный боксёрский нос под высоким чистым лбом, а глаза – синие, лучисто – ледяные. Такие, что по их выражению становилось ясно: убьёт и переступит спокойно через труп… Но, несмотря на свою умственную развитость, Чика косноязычен, и почти после каждого слова, добавляет зачем-то частицу – паразит «на»…

Мы ходили по территории, таща за собой большой ящик на ремне, подбирали мелкий мусор, и смятые пластиковые стаканчики, когда на своей подержанной праворульной фиолетовой «Mazda» подкатил наш шеф. Он резко затормозил перед вагончиком с надписью «Администрация», с плавной ловкостью хищника вылез из салона машины, и по-хозяйски стал осматриваться вокруг. Внутри вагончик был разделён на два отсека небольшим тамбуром. Справа находилось помещение, где обитали женщины, собиравшие ежедневный поместовый сбор с торговцев, а слева от тамбура – располагался кабинет самого Чики, который он гордо именовал офисом. Увидев нас при деле, Чика солидно покивал крепкой башкой, и барственно позвал:

– Погон, (это он меня так окрестил), – сюда иди-на!

Я подошёл, стараясь не приближаться, но Чика ухмыльнулся и произнёс:

– Ближе подойди, я же вижу, что вы с Бакланом-на уже буханули, – в руках у него была небольшая пухлая сумочка, из которой Чика достал записную книжку и ручку, вырвал из книжки листок, что-то накорябал на нём, и протянул мне:

– Держи! Смотайся к ларькам. Пусть дадут, чё – нить. Я там написал – на… И, что бы живо – на, одной ноге – на… Пацаны должны подъехать, угостить надо – на…

В записке был лаконичный текст: «Дать накрыть паляну. Чика». В ларьках, расположенных по периметру, и на самом рынке – продавалось всё то, о чём когда– то, года четыре назад, можно было только мечтать. Или увидеть в зарубежном кино: иностранная водка, виски, джин, вина, пиво различных сортов, сигареты невиданных, неизвестных раньше марок… Изобилие закусок и прочего, прочего, прочего… Не успел я принести затребованное для «паляны», как плавно подкатил тёмно – синий «Jeep Grand Cherokee». Из него высыпали четверо крепких «братков» в одинаковой бандитской униформе, и с достоинством вылез высокий, солидный мужчина в длинном расстёгнутом кашемировом пальто, и белом шёлковом кашне. Подошедший Вовка шепнул мне:

– Сходняк собирается. Затевают что-то…

Я в ответ только махнул рукой. Какое мне до этого дело!

Встречающий на улице гостей Чика, повернулся к нам, и начальственно изрёк:

– Вы давайте тут, хлопочите – на! А то, сами знаете-на… Санэпидемы отираются – на… Если они наедут на меня-на – то я на вас!.. – и важно удалился в свой «офис», вслед за гостями. Мы почтительно покивали, и пошли хлопотать.

Испытывал ли я чувство унижения от всего произошедшего? Нет! Я знал, кто я такой, знал своё место в новой системе жизненных координат. Мне нынешнее моё состояние представлялось так: Гора под небеса, вершину которой заселили толстосумы – небожители. По её отвесным кручам упорно лезут вверх удачливые проходимцы, захватывая малейшие площадки и уступы, мгновенно обосновываясь там, толкают друг – друга вниз. Чем ближе к подножию

Горы, тем плотнее становилась масса желающих влезть повыше. А у самого подножия кишмя кишела, давилась, дралась, рвала друг другу глотки, пихалась локтями и лягалась плотная, из пушки не пробить, толпа неудачников, которым даже подержаться за саму Гору не удавалось. Они только испытывали невероятное по силе, но явно несбыточное желание – хотя бы приблизиться к ней. Был ли я в этом людском скопище? Нет! Я перестал в этой жизни толкаться локтями и чего-то хотеть, кроме как: выпить, пожрать, покурить, поспать. Иных желаний у меня уже не возникало. В своём одиночестве я ощущал себя Робинзоном Крузо на необитаемом острове. Но, только остров этот был не в океане, а на земле, среди людей…

Иногда, правда, у меня возникало ощущение, будто я нахожусь в продолжительном, кошмарном сне, когда хочешь вырваться из чего-то тёмного, непонятного, облепившего тебя со всех сторон, словно щупальца гигантского спрута. Двигаешь изо всех сил ногами, стараясь убежать, но ноги, будто пластилиновые, оттолкнуться ими невозможно, руки непослушны, в голове мысли спутаны, и каждая телесная клеточка источает страх животного, попавшего в капкан: первобытный, безысходный. Такое недолгое помутнение на меня накатывало, обычно, с похмелья. После него в душе надолго поселялась ночь, и тоскливо ныло сердце… Я осознавал, что это наяву, и существование моё теперь – только такое. Смириться с этим оказалось тяжело, может быть, даже, невозможно.

Рынок располагался на асфальтированной площадке, размером с три футбольных поля, сплошь заставленной палатками, прилавками, ларьками с продуктами, и прочим новомодным товаром. Отдельно, на узеньком пространстве тесно друг к другу – уже начинал раскладываться новогодний базар с мишурой, ёлочными игрушками, гирляндами и потрясающими новинками: поющими и приплясывающими Дедами Морозами на батарейках, которые казались диковинкой, и стоили дорого. Я дал себе слово, что обязательно куплю мигающую гирлянду и наряжу, хотя бы кустик сосны, к празднику. И будет, как в детстве – запах хвои и таинственные разноцветные тени на потолке, предчувствие неизбежного счастья и чуда… Я себе так явно это представил, что тоска железной хваткой сдавила душу и захотелось выпить ещё… А мой напарник Вовка умудрился «настрелять» у своих знакомых мелочи на бутылку гнусного этого пойла, и выпросить два солёных огурца у торговки. Мы быстро распили и эту бутылку, после чего Вовчик куда-то исчез, а я побрёл домой – похлебал невкусного борща, и лёг вздремнуть. Проснулся в ранних сумерках, и заспешил на рынок. Надо было приниматься за уборку. Напарник отсутствовал, но меня это не волновало. Мы постоянно прикрывали друг друга в таких случаях…

Гости Чики разъехались, а сам он стоял возле своего вагончика, и вертел головой по сторонам. Увидев меня, подозвал движением руки и процедил:

– Слышь, Погон… Прибери – на у меня в кабинете… Бабы уже разошлись… Чё недохряпали, недопили – себе возьми… Там делов-то на пять минут – на…

Я зашёл в Чикин «офис». Сразу заприметил недопитую бутылку коньяка, почти целую – водки «Rasputin»… Всё это тут же рассовал по карманам. Конфеты тоже почти не ели… Моя добыча! Колбаска копчёная, сыр, ветчина бельгийская в банке – недоедена… Правда, джин выпили весь. А я его так любил! Домой пришёл с хорошей поживой. Сразу налил себе коньяку, закусил колбасой, сыром! Жаль, что хлеб несвежий у меня, но это ерунда! Я так давно не ел ничего подобного, что сыр и колбаса мне показались сказочно вкусными. Потом, зачем-то, подошёл к древнему шифоньеру – тоже оставшемуся от старушки, открыл его и вынул висевшую на вешалке мою, для чего-то ещё хранимую, парадную форму. Цвета морской волны, с золотыми капитанскими погонами, чёрными бархатистыми петлицами, академическим ромбиком с правой стороны и двумя скромными медальками – за десять лет службы, и к юбилею Вооружённых Сил СССР – с левой. Под кителем на вешалке белела рубашечка с чёрным галстуком, прикреплённым медным зажимом; а от кителя исходил тончайший, едва уловимый запах хорошего, стойкого одеколона «Жильбер»… Колючие мурашки пробежали по всему моему телу. К душе прилила волна горечи, тяжкой тоски по прошлому. Я напрасно сам себя

обманывал, что мне нравится моё нынешнее существование! Моё прошлое жило во мне, и о себе требовательно напоминало внезапно, даже тогда, когда я и сам этого не хотел… Я метнулся в кухню, налил полстакана водки, и выпил залпом, чтобы успокоиться. Затем вернулся, неторопливо натянул китель на домашнюю застиранную футболку, посмотрелся в зеркало… И заплакал пьяным плачем. Последний раз надевал я парадную форму почти три года назад – на День Победы, за полгода до расформирования полка. После прохождения парадным маршем сводного батальона по улицам города, я, жена и сын пошли гулять. Погода стояла чудесная, солнечная, ласковая, и вокруг разливалось торжественное умиротворение и веселье. Мы были молоды, красивы, и казалось – снова безмятежно счастливы, как счастливы, любящие и дружные семьи. Радостно – возбуждённые толпы людей двигались туда-сюда, играли аккордеоны и гармошки, пахло свежими клейкими листочками, и жарящимися шашлыками… Тот день оказался последним добрым днём в моей жизни. Правда, я тогда и не подозревал о том… Я сказал жене, помнится:

– Кроме этого праздника, нам уже больше и нечем гордиться.

– Почему? – удивлённо спросила она, и сын, подняв голову, вопросительно на меня посмотрел.

– Потому, что мы потомки победителей, которых победили… Но, не войной, а предательством! – по– моему, мои самые близкие люди – тогда меня так и не поняли…

2.

Новый Год приближался, но денег, чтобы хоть как-то накрыть стол – у меня не было. Однако же – очень хотелось, пусть в одиночестве, но почувствовать чарующее волшебство и доброту этого удивительного праздника… Грустно. Вчера, случайно, возле мусорного контейнера, я наткнулся на большую картонную коробку. Сверху лежали старые ёлочные игрушки – ещё советских времён; хрупкие, стеклянные… Фигурки морских коньков, космонавтов, разноцветные шарики со снежинками, грибки, огурчики, кукуруза – такие были в детстве у нас с братом… А внизу я, к своей радости, обнаружил книги – тоже старые; но это была русская классика, которую я всегда любил. Я принёс коробку домой, весь вечер перебирал и аккуратно раскладывал ёлочные украшения, стараясь не побить и не поломать. Настроение сделалось невероятно добрым, и меня накрыла тёплая волна воспоминаний. Вот мы идём в мягких зимних сумерках, вместе с маленьким, тогда ещё сыном, покупать ёлку к празднику. Он страшно волнуется: вдруг ёлок не хватит, и я его утешаю – хватит всем! Потом мы устанавливаем ёлочку, сын суетливо берёт игрушки, тащит нам с женой, вешает сам на нижние ветви – иголки колют его пальчики, сын смеётся… До Нового Года ещё несколько дней – но он, ложась спать, уже ставит под ёлочку свой тапочек – в ожидании подарка от Деда Мороза… Утром – первым делом бежит смотреть. Находит шоколадку, и радостно кричит на всю квартиру: «Приходил, приходил Дед Мороз!» Так повторяется до самого Рождества… Шоколадки сменяются маленькими игрушками, пачкой цветных фломастеров для рисования, детскими книжками… Но самый главный подарок – был, конечно же, в канун праздника! Для этого заранее писалось письмо, где перечислялись наивные детские пожелания, и одно из них непременно сбывалось! И вдруг я решил – временно, до праздника, бросить пить, чтобы скопить, хотя бы немного деньжат, и устроить себе какое-то подобие новогоднего торжества. У меня мелькнула мыслишка: а не поехать ли на праздник к родителям, к брату… Встретить Новый Год, как когда-то, давным-давно – в семейном кругу, среди близких людей, душевного тепла, веселья, шуток… И тут же я высмеял сам себя за это: «Приедешь порадовать маму с папой! Нищий, полуголодный, брошенный… Что им расскажешь хорошего, как посмотришь в глаза родителям, брату, его жене?.. Чем похвалишься, бывший блестящий офицер? Какие подарочки преподнесёшь»? И я поспешил безжалостно растоптать свою нелепую идею.

Приработок у меня появился неожиданно. Видимо, Господь пожалел заблудшего и решил сотворить маленькое чудо. Недалеко от вагончика «Администрация» торговали аудио и видео-

кассетами два Серёги. Оба они в прошлой жизни были инженерами, и работали на заводе «Электрон», который в городе считался самым крупным и престижным, самым продвинутым, выпускавшим кинескопы и комплектующие для телевизоров, в частности, и ещё много чего – для электронной промышленности. Серёга Фрумкин был инженером – механиком, а Серёга Крутов, инженером – технологом. Я сошёлся с ними на почве любви к рок-музыке, которой увлекался в юности, и продолжал интересоваться сейчас. К тому же, я хорошо играл на гитаре, а эти ребята тоже любили музыку, умели играть; и мы были ровесниками… Дела у них шли неплохо. Иван – хитрован – им не конкурент, со своими двумя десятками пиратских копий невысокого качества. Чика деньгами дань с них не брал – они отдавали ему новинками записей из блатной музыки, и видео с боевиками. Записи на кассеты ребята делали сами, дома – тоже пиратским способом, но на хорошей аппаратуре. К тому же, они собрали, ещё работая на заводе, специальные приборы, позволяющие регулировать качество аудио и видеозаписи, чем очень гордились. Прилавок у них представлял собой саму основательность: сваренный из толстых железных листов и крепких труб, выкрашенный густым слоем синей краски, с покатой крышей, чтобы снег зимой сам сползал, вместительный. Иногда, после хорошей торговли, они приглашали меня опрокинуть стаканчик и поговорить. Так что, мою историю они знали. В последнее время торговали компаньоны по одному, потому что надо было ещё успевать и тиражировать копии с оригиналов аудио и видеокассет, а по субботам ездили на Центральный рынок. Там у них тоже было место. Недавно им посчастливилось недорого купить вполне приличные «Жигули» шестой модели с «троечным» двигателем, и совсем небольшим пробегом. Прежний владелец – человек пожилой и степенный, ездил на автомобиле только летом, недалеко – за город на дачу и обратно, следил за машиной и берёг её. Но внезапно тяжело заболел, и решил продать и дачу, и транспорт… Пронырливый Фрумкин успел вовремя разнюхать про это, ребята приобрели в складчину эту «тачку» на двоих – для поездок на рынок, и в Москву, за товаром. Однако, ни один, ни другой водительских прав не имели, и навыков вождения – тоже, и только начали обучение в автошколе. Поэтому, они и обратились ко мне с предложением: свозить в Москву кого-то из них в ближайшую субботу, за чистыми, под записи, кассетами. Но перед дальней поездкой – надо было, как следует осмотреть автомобиль, и при необходимости – подремонтировать. За всё пообещали сто тысяч. Какое счастье, что я воздерживался несколько дней от пьянства, а чтобы отвлечься от давящего одиночества, читал по вечерам найденные книги! Я был в силах ехать! Восемьдесят тысяч, без «левых» доходов, я получал в месяц на руки… Разумеется, я согласился! Машина стояла в гараже у отца Серёги Крутова. Когда-то давно у них имелся «Запорожец», но этого чуда автопрома уже не существовало, а капитальный гараж был. Два дня и два вечера, выкраивая время между уборкой на рынке, я занимался их машиной; добросовестно облазил всю, поменял, что нуждалось в замене, поставил новую резину, которую прежние хозяева отдали в придачу. Затем проверил на ходу, и остался удовлетворён – машина годилась для поездок не только в городе. В ночь, наступавшую с пятницы на субботу, мы отправились в путь вместе с Серёгой Крутовым. Поначалу я страшно волновался и нервничал – давно не сидел за рулём, да к тому же, по городу ходили рассказы о том, как в соседней области грабили и убивали коммерсантов, направлявшихся в столицу за партиями товаров, с крупными деньгами. Бодрости духа такие рассказы не прибавляли. Но скоро я освоился, почувствовал автомобиль и дорогу. И успокоился. Хотя недавно и густо валил снег, трасса была хорошо почищена, посыпана песком и почти пуста в такое позднее время. Мы катили по чёрной, натруженной её спине, с разделительной, словно позвоночник полосой посредине, беспощадно разрывая светом фар вязкую темень впереди. Вокруг – тоже непроглядный мрак, из которого то и дело надвигались по обеим сторонам дороги слегка размытые в темноте, казавшиеся обугленными, чёрные стволы и ветви придорожных деревьев, как гротескные декорации в театре абсурда. Снег по обочинам выглядел несвежей медстанбатовской ватой, захватанной закопчёнными пороховой гарью руками. Где-то вдалеке, редко-

редко мелькали огоньки заметённых деревенек, а дальше – опять заснеженная, безлюдная российская глухомань, в четырёхстах километрах от столицы. И складывалось ощущение, что мы одни во всей вселенной, а этот тесный мирок салона легковушки – самое безопасное и уютное место на свете… Я впал в знакомое состояние транса дальнего пути, когда всё делается, как бы на автопилоте. Внимание стиснуто в кулаке, усталость долго не приходит, а мозг всё держит под контролем…

–Ты поспи, – посоветовал я Серёге, – перед Москвой разбужу, бензина подольём, на всякий случай, и дорогу посмотришь. Скоро вам по одному придётся ездить.

– Не, Сань, одним пока страшновато. Будем тебя с собой первое время брать. И тебе хорошо, и нам спокойнее. Да и устаешь меньше, когда ведёшь по очереди….

Я согласился с ним. И деньги лишние не помешают, и разнообразие какое – никакое. Пятьдесят тысяч за поездку – моя месячная квартплата…

Рынок, на который мы держали путь сквозь непроглядную декабрьскую ночь, назывался «Горбушка», и был известен на всю Россию, а может быть, и на всю Европу, Южную Корею и Китай, уже начинавший тогда подниматься из коммунистического маодзедуновского мракобесия. Там продавали, по достаточно низким ценам электронику, бытовую технику, диски, кассеты – оптом и в розницу. При этом оптовые и розничные цены, не сильно отличались… Кассетная «Горбушка», расположившаяся в сквере возле ДК имени Горбунова, была ещё, местом тусовки всех тех, кого во времена перестройки называли «неформалами». Чтобы купить нужных кассет, и подешевле – туда нам надо было попасть, как можно раньше – часам к шести утра, когда оптовики только начинали торговлю, по ценам рынка прошедшей недели, ещё между собой не сговорились, и не приподняли цены. Торговали только два дня: в субботу, и в воскресенье.

При въезде на МКАД, я разбудил Серёгу, и подробно объяснял ему, как ехать дальше.

– Смотри и запоминай: по МКАДу едем до поворота на Можайское шоссе. Смотри внимательно, хоть и темно. Там будет указатель. Вот он! Далее, по Можайке, не доезжая Кутузовского, уходим влево. Улица Толбухина – по ней сворачиваем сюда, здесь место для стоянок. Все, Серый – приехали!

Серёга осмотрелся, и грустно улыбнувшись, сказал:

– НИИ космоса имени Хруничева… Интересно, до конца развалилось, или нет? – мы остановились, как раз напротив этого учреждения, на противоположной от него стороне.

Затем он взглянул на часы и одобрительно произнёс:

–Ух, ты! Шесть ровно. Я побежал!.. – вынул из багажника складную тележку, и скрылся в темноте. Фуры с товаром уже заехали на рынок, но покупателей не так много – толпа забурлит немного попозже, часам к восьми…

Я, оставшись в тёплом салоне один, ощутил вдруг липкую сонливость, и сковывающую всё тело усталость. Отвык от дальних ночных поездок. Ещё не улетучилось тепло, и я, только на миг, сомкнув веки, тут же уснул. Сквозь сон я слышал, как Серёга пришёл, выгрузил из тележки что-то в багажник, поспешил опять назад, вернулся, начал укладывать коробки на заднее сиденье, напустив холоду, сказал мне:

–Теперь пойду искать оригиналы новинок, диски для Фрунзе (такое прозвище было у Фрумкина), и для себя.

– Ладно… – сонно пробормотал я, запустил двигатель, прогрел салон и снова отключился.

Окончательно Крутов вернулся, когда уже стало совсем светло. Денёк выдавался солнечный, радующий, не очень морозный, бодрящий. А Серёга был доволен и благодушен. Он плюхнулся на сиденье, предложил перекусить перед обратной дорогой, и принял стопку водки «Кремлёвская», прихваченную им в магазине, неподалёку от рынка, рядом со «Студией №1», которая принадлежала знаменитому на всю Москву, видеопирату Тиграну. Она тогда распола-

галась на улице Барклая в строении 19\18, между магазинами, за железной массивной дверью, под скромной вывеской. Там Серёга покупал оригиналы новинок, стоившие дорого, но хорошего качества. Весь обратный путь он прикладывался к «Кремлёвской», делаясь всё разговорчивее и веселее, хвалил водку, рассматривал компакт – диски, оригиналы, с которых они потом будут делать копии и продавать. С удовольствием рассказывал истории из своей студенческой жизни. Я слушал его вполуха, потому что движение оживилось, и в Москве, и на трассе – беседовать стало некогда. Да и что мог я поведать ему о своей жизни курсантской?! Муштра, учёба, наряды, караулы, культпоходы по выходным, вперемешку со спортивными соревнованиями… Особенно – первые два курса, когда выход в увольнение в одиночку, чтобы просто погулять по Питеру – я считал невероятной удачей! Серёга задремал от выпитого, и от почти бессонной ночи, а я вдруг задумался: был ли я разочарован тогда, поступив в военное училище? Отчасти – да. Отчасти – нет. В моём поколении юношей, романтика военной службы казалась очень заманчивой, и всячески культивировалась – особенно в провинции. На «абитуре» мы все были энтузиастами, твердо уверенными в том, что мы-то уж непременно привнесём в армию что-то свежее, новое, дослужившись до высоких званий! Правда, солдаты, уже хлебнувшие казарменного быта, и приехавшие поступать вместе с нами – гражданскими, вчерашними школьниками, слушали такие разговоры с ухмылками, скептически возражали, но как-то вяло. Видимо, суровая армейская реальность не развеяла романтических настроений даже у них, что давало нам надежду… Мы все без исключения – очень хотели стать офицерами. Тяжело привыкая к началу учёбы – службы, я утешал себя тем, что эту лямку тянуть всё равно пришлось бы. Не солдатом, так офицером – двухгодичником, когда закончу ВУЗ. Если поступлю, конечно… А курсанты, как не крути – живут всё равно лучше, чем солдаты, и после младших курсов – я не буду заступать в наряды по кухне, и дневальным по роте. Буду жить в курсантском общежитии, а не в казарме. К тому же – учёба не отупляла, как солдатская служба, а развивала, да и отношение к курсантам со стороны командиров – было не таким хамским, как к солдатам. Более корректным, вежливым, уважительным. Например, наш курсовой офицер любил повторять: «Товарищ курсант, если вы – дурак, то носите с собой Устав, как это делаю я»! И искренне удивлялся, когда слышал в ответ сдержанный смешок. Но, зато всё – на «вы»! Наставники наши внушали нам: вы – военная интеллигенция, политработники – костяк Вооружённых Сил великой страны, подвиги комиссаров в Гражданскую, политруков в Великую Отечественную – неоценимы. (Тогда ещё совсем не афишировался тот факт, что политработник обязан шагать рука об руку с «особистами»)… И мы были убеждены в чистоте помыслов до тех пор, пока не попали на первую стажировку в войска, незадолго до окончания третьего курса. Тогда – сразу исчезли все наивные представления, открылась правда жизни, и стала понятной шутка: «Два солдата из стройбата заменяют экскаватор. А солдат из ПВО – заменяет хоть кого»… С такими мыслями, впав опять в дорожный транс, и вёз я домой спящего Серёгу. Доехали мы не так быстро, конечно, как до Москвы, но без приключений и нервотрёпки. Часть кассет повезли домой к Фрумкину. Часть – потом ещё, надо доставить самому Серёге. Фрунзе находился в прекрасном настроении от неожиданно большой выручки на Центральном рынке, где торговал днём один, был очень доволен тем, что привезли много новинок и дисков, которые он заказывал. Выпивший Крутов возбуждённо кричал, какой я молодец, как хорошо знаю Москву, и предложил Фрумкину, помимо ста тысяч обещанных, дать ещё двадцать пять в виде премии. Тот, после солидных рыночных барышей – согласился…

Только загнав машину в гараж, я ощутил, как вымотался за дорогу. Утомление было, словно после марш – броска с полной выкладкой, которые мы в училище совершали, время от времени. На премиальные, я тоже купил себе бутылку «Кремлёвской», пачку пельменей, сметаны; придя домой, кое – как умылся, хлопнул полный стакан, поел и завалился спать. Пока засыпал, всё мне чудилось, что я еду по трассе. Вокруг – с рёвом проносятся машины, и меня плавно покачивает… Но утром – я встал бодр и свеж, позавтракал, и быстренько побежал на

работу. Мы с Вовкой густо посыпали дорожки между рядами песком, когда к нам подошли оба Серёги.

– Саня, – обратился ко мне Фрумкин, – поторгуй сегодня, а? Сколько продашь – и то хорошо будет! А то у нас писанины – невпроворот! Перед праздниками всё хватают, как с цепи сорвались…Тысяча с кассеты – тебе… И завтра – тоже выходи торговать. Должен народ быть, хоть и понедельник…

А Крутов добавил:

– Ты ведь в музыке сечёшь… Разберёшься!

– Ну, хорошо… – с замиранием в сердце от радости, согласился я.

Убирал и попутно торговал я всю неделю, имея с этого самое меньшее – двадцать пять тысяч в день… Ребята готовились к субботе, к большому рынку. А мне опять предстояла ночная поездка в Москву, потому что «Горбушка» закрывалась на предстоящие праздники – и почти на месяц! Ребята, подзаняв деньжат, надумали купить кассет побольше, справедливо полагая, что цены в новом году могут вырасти. Решено было: ехать мне опять с Крутовым, а Фрунзе, взяв в помощники, моего дружка Вовку, пойдёт торговать на Центральный рынок. Вечером, перед поездкой, мы завезли домой к Вовке кассеты на продажу. До рынка от его дома рукой подать, и с утра пораньше Фрумкин зайдёт к нему, они вдвоём отправятся, везя коробки с товаром на санках…

Вторая поездка далась мне намного легче, чем первая; правда после иномарки «Жигули» ощущались как-то тупее и казались мне громоздкими, педали тугими, но я приноровился. К «Горбушке» мы опять приехали рано, пошли за кассетами уже вдвоём, с двумя складными тележками. Набрали много, но по цене, куда более низкой, чем Серёга ожидал. Это его сильно обрадовало, и он решил набрать новинок – оригиналов, потому что перед праздниками, по его словам, новинки – вариант беспроигрышный. Уходят – влёт… Мне очень хотелось пройтись по рынку, казавшемуся бескрайним и манящим своим размахом, вместе с Серёгой, но оставлять машину без присмотра с товаром на приличную сумму – было небезопасно. И тут Серёга, которому тоже, видимо, ходить одному по толкучке не очень-то улыбалось, увидел неподалёку пожилого гаишника, одетого по всей форме, с жезлом, бляхой и погонами прапорщика.

– Командир, – обратился Крутов к милиционеру, – приглядишь за нашей машиной? Мы отблагодарим.

– Ладно, ребята! – живо, и с видимым удовольствием отозвался он, – можете не волноваться. Пригляжу, и помогу выехать отсюда. Всего за пятнадцать тысяч…

Серёга тут же отдал ему деньги, и мы окунулись в этот удивительный для меня, бурлящий и живущий, казалось, по собственным правилам и законам, мир «Горбушки». Поначалу, от всего увиденного, голова пошла кругом, и я больше всего боялся потеряться в толпе, отстать от Серёги. Он понял мои опасения, сказав:

– Если разойдёмся – ждём друг друга у машины…

– Да, правильно! – отвечал я.

Размах торжища поражал. Я был здесь всего два года назад, и за прошедшее время количество торгующих увеличилось многократно. Покупателей – тоже. На «пятачке», посредине парка, напротив ДК – развернулись полевые кухни, в которой уже начали готовить горячее и плов, раздувалось пламя в мангалах, и из огромных кастрюль извлекались и нанизывались на шампуры крупные куски мяса. Рядом расположились столы, уставленные водкой, коньяком, джином, виски, жестяными баночками с пивом, несмотря на зиму и холод. Продавали на розлив, на вынос. Откуда-то таскали вёдрами воду в огромный самовар – кипятить под чай и кофе. Неподалёку, прямо в утоптанном снегу, стояли пластмассовые столы и стулья, и первые страждущие уже разливали по тонким пластиковым стаканчикам виски и водку. И на весь этот базарный разгул – торжество дикого русского капитализма нового типа, с противоположной стороны, уныло глядел с пьедестала небольшой бронзовый Ленин. Отставленный вождь проле-

тариата казался усталым и равнодушным. Стоял себе, засунув в карман пальто правую ладонь. А в левой – он крепко сжимал свёрнутую газету, словно собрался, было, прихлопнуть, как муху, всё это возрождённое буржуйское скопление одним махом, да передумал. Или решил, что в одиночку ему не сладить, а соратников не находилось…

А мы с Крутовым пошли дальше по центральной аллее туда, где уже расставили свои обширные столы – прилавки торговцы CD и CD – ROM, (предназначения которых мы тогда ещё не знали) и чистыми видеокассетами. Продавцы были в основном попарно, а у кого товара поменьше, те стояли по одному. Переходя от прилавка к прилавку, глаза у нас разбегались от изобилия того, что ещё несколько лет назад было немыслимым дефицитом, или под запретом. Китайские CD стоили неприлично дёшево. Наверное, и качество звучания цене соответствовало. Ценились диски, произведённые в Болгарии, стоившие немного дороже, но выглядевшие куда добротнее. Отдельно лежали диски фирменные, накрытые сеткой, чтобы незаметно не стащили. За них просили приличные деньги. Из зарубежной музыки – купить можно было всё! И это казалось мне невероятным. Почти у всех торговцев на заднем плане – бутылки с водкой, термоса, свертки – очевидно, с закуской. Многие, наших с Серёгой лет, одеты в военные бушлаты, военные же ватные штаны, обуты в унты. У одного из них, черноусого, с бледным, худым лицом и живыми карими глазами – на погончиках бушлата я заметил капитанские звёздочки и, не удержавшись, спросил:

– Давно из армии уволился, друг?

Обладатель звёздочек удивлённо посмотрел на меня, так внимательно, словно бы оценивал мою личность: стоит отвечать, или нет. Потом негромко проговорил:

– С чего вы взяли, уважаемый, что я уволился? Я служу, учусь в академии, подрабатываю здесь по выходным. Без подработок в Москве не прожить, особенно с семьёй!

Смущённый его сдержанной, гордой вежливостью, я пробормотал:

– Извините, капитан… Я сам из бывших военных. Сокращён, и уволен в запас.

– Из-за границы? – понимающе кивнул мой собеседник, успевая при этом принимать деньги за диски, считать их, отдавать сдачу, и отвечать на вопросы покупателей.

– Теперь уже да… Из Прибалтики, – грустно ответил я ему. – Ладно, мы пошли. Удачной торговли, брат!

– Вы подходите… – крикнул вслед нам торговец – военный, – я тут почти всё время по выходным. Меня Александром зовут!

– Меня тоже Александром! Подойдём… Просто, очень спешим сейчас!

Мы с Серёгой были потрясены. Что бы офицер, слушатель академии – торговал по выходным дням на рынке, из-за того, что ему не хватает денег для содержания семьи – такое было ещё не слыханным! Когда мы вернулись к машине, старый милиционер не обманул нас: вышел на проезжую часть, перекрыл на минуту движение, чтобы я смог спокойно вырулить, и приветливо помахал нам рукой. Новая буржуазная Москва не переставала удивлять…

3.

Для встречи Нового Года у меня имелось всё. Пахнущая смолой и лесом молодая, пушистая сосенка, шампанское, купленное на рынке у приезжих белорусов в два раза дешевле, чем оно стоило в ларьках, вошедший в моду ликёр «Амаретто», изготовленный неизвестно где, водка «Absolute» с привкусом чёрной смородины, бренди «Metaxa» – тоже сомнительного производства, но тогда мне так не казалось… Заработав денег на торговле кассетами, поездках, погрузке товара, получив зарплату, заплатив за квартиру за два месяца вперёд – я мог себе позволить приобрести к столу то, что раньше было для меня недосягаемо. В канун праздника, придя с работы пораньше, потому что торговцы на рынке старались не задерживаться, и быстро разошлись – я начал готовить закуски к праздничному ужину. Затем с удовольствием искупался, и принялся накрывать стол в комнате, застелив его старой белой скатертью, оставшейся от прежней хозяйки. От неё же осталась кое-какая посуда: гранёные толстые довоенные

рюмочки на резных ножках и, даже, два фужера. Хотя мне хватило и одного. Наряженная ёлка благоухала, перемигивалась тепло и таинственно разноцветными огоньками, игрушки поблёскивали, словно радовались тому, что им опять пришлось послужить. В моей душе родилось давно забытое чувство покоя, тихой радости и гордости от осознания того, что вот и я, одинокий, полунищий, оставленный всеми дворник – не пал окончательно духом, сумел создать себе подобие домашнего уюта и праздничного настроения. До двенадцати оставалось ещё четыре часа, и меня посетила сумасбродная мысль: а не прогуляться ли до Центральной площади? Полюбоваться на большую, наряженную, всю в гирляндах красавицу – ель? Как в той – минувшей жизни, когда ходили мы с женой и сыном в весёлой и шумной компании с нашими друзьями – смотреть на начинающийся праздник! Я так живо себе это воскресил в памяти, что у меня защемило сердце от осознания того, что всё ушло невозвратно. Хватив полный фужер «Метаха», я быстренько оделся и отправился пешком на площадь, благо ходьбы до неё было – с полчаса скорым шагом…

На улице – мягкая, безветренная погода, почти оттепель. Предпраздничная лихорадочная людская суета ощущалась повсюду. Тут и там граждане спешно шагали, кто домой, припозднившись где-то, кто в гости – таща в руках сумки с закусками и выпивкой. Радостное оживление витало во влажном от оттепели вечернем воздухе. Автобусы – почти переполнены пассажирами. Откуда-то уже раздавалось пьяное пение; из окон домов сигналили о близости заветного часа наступления Нового Года, ёлочные гирлянды. Всё это было мне знакомо по предыдущим предпраздничным часам, и в тоже время – казалось каким-то другим, не похожим на то, что было раньше… Всеобщее предвкушение чего-то чудесного, которое непременно сбудется совсем скоро, с боем курантов – охватило и меня. Я почти бежал заснеженными улицами на Центральную площадь, желая сильнее и ярче насладиться всеобщим, беззаботным ликованием, напополам с надеждами на то, что худшее уйдёт вместе со старым годом, а в новом – грядёт только лучшее. Вокруг главной городской ёлки царила кутерьма, отовсюду слышались смех, визги детей, катающихся с небольших ледяных горок, устроенных тут же. Пьяненький дядечка лихо наяривал на аккордеоне, что-то выкрикивая и веселя собравшуюся вокруг него молодёжь. Бабахали хлопушки, взлетали невысоко и жиденько рассыпались входившие в моду китайские салюты. Люди забыли невзгоды, и радовались изо всех сил, правда, радость эта была не как раньше – бесшабашная, безотчётная, почти детская – веселье уверенных в будущем людей. А с какой-то ноткой истеричности. Так мне показалось. Да, ёлка была хороша, да толпа развлекалась, но меня, почему-то, охватило чувство непонятной грусти от всего происходящего. И я не мог понять такую резкую перемену в своём настроении. Вдруг захотелось выпить ещё… Я зашёл в гостеприимно светящийся изнутри, круглосуточный гастроном, купил себе «чекушку» коньяка и маленькую плитку горького шоколада. Встав в сторонке, свинтил крышку, сделал добрый глоток и тут, будто гномы из сказки – словно из-под земли, возникли два рослых милиционера:

– Не распивайте, гражданин,– негромко, но сурово изрёк один из них.

– Хорошо, не буду, – пробормотал я ошалело. – С наступающим вас, ребята!

Они кивнули, и пошли себе мимо. Я стоял, ошарашенный, потягивая сигаретку, и вдруг вспомнил, как запойный чиновник Мармеладов у Достоевского трагически вопрошал: «…Знаете ли вы, господа, что значит, когда некуда идти»?! И я подумал ёрнически: «Неизвестно, что лучше. Когда некуда идти, или, когда есть куда идти – но тебя там не ждёт, ни одна живая душа! Идти туда, где всё чужое, и полная безысходность»! Оглянувшись по сторонам, я украдкой проглотил оставшийся коньяк, и понуро поплёлся домой, утешая себя только тем, что праздник и у меня, всё же будет.

Сама новогодняя ночь вышла смазанной, в тумане алкогольных паров, мрачном сидении перед экраном древнего чёрно-белого телевизора, который показывал плохо, но «Старые песни о главном», пока я ещё окончательно не опьянел – досмотрел до конца. Я даже подпевал

телевизору, бессвязно разговаривал сам с собой, вылетал на балкон – смотреть, как запускают редкие салюты, и покурить. Спать не хотелось, но и заняться тоже было нечем. Сверху и снизу доносились ликующие, бодрые голоса соседей, шумно отмечавших праздник, которые, со временем, становились всё пьянее, потом где-то заскандалили. Визгливо, безумно… А затем – дом начал потихоньку погружаться в тишину. Праздник умирал… Я выключил надоевший телевизор, подошёл к окну, долго стоял, упершись лбом в холодное стекло, тупо смотрел в слепые глазницы окон домов на противоположной стороне улицы, бормоча стихи запрещённого в СССР поэта Бродского: «Самолёт летит на Вест…», пока тяжкая, пьяная сонливость не начала одолевать меня. Повалившись на постель, я уснул – как ухнул в бездонную яму. Оторвали меня от пьяного забытья чьи-то маленькие, но цепкие мохнатые лапки, сдавившие кадык… Я вздрогнул от дикого, неописуемого страха, моментально овладевшего мной, парализовавшего всё тело – и открыл глаза. На моей груди сидел небольшой, мохнатый, дымчатого цвета, зверёк. С человеческой скалящейся круглой харей, кошачьими усами и горящими бесовскими красными глазами.

– Ах – ха – ха, Сашка, дурр – р – р – ррак! Допился! – пронзительным хриплым фальцетом заверещал он, весело глядя мне прямо в лицо.

– Отче наш, ижеи еси на небеси… – через силу прохрипел я, и добавил, – к худу ли, к добру ли? – помня рассказы моей бабушки о подобных случаях.

–К добрррру! – попугайским резким картавым голосом прокаркал бесёнок и, прыгнув к балконной двери, растворился.

Потрясённый случившимся, весь в поту, трясясь, словно от озноба, хотя меня и бросило в жар, я налил водки, почти полный фужер, выпил залпом – не ощущая ни вкуса, ни запаха. Потом меня охватила невероятная расслабленность, и я уснул крепко и безмятежно, как не спал уже давно.

Утром я встал довольно поздно. Весь больной и разбитый. За ночь погода поменялась. После тихого, пасмурного последнего дня старого года – светило неяркое солнце, дул пронзительный северо-западный ветер, и сильно подморозило. В соседних квартирах помаленьку зарождалась вялая послепраздничная жизнь, судя по слабым звукам, раздающимся то тут, то там… Голова у меня болела, от намешанного ночью всякого пития, а желудок сводило от голода. Я ведь, почти не закусывал. Но у меня было всё – и чем поправить самочувствие, и чем набить живот! В меру выпив, хорошо позавтракав, я вдруг решил пройтись по городу, затаившемуся, после новогодней вакханалии. Сидеть одному в пустой квартире, с то ли домовым, то ли чертёнком – совсем не хотелось. А пойти в гости, как это мы с женой и сыном делали раньше, когда все офицерские семьи жили одной большой семьёй – было не к кому. И я отправился бесцельно бродить.

На безлюдных улицах резкий ветер сразу проник под одежду, и прошёлся по всем костям, глаза заслезились. Что-то возмущённо бормоча, тут и там по ледяной корке, покрывшей за ночь, ещё вчера вечером рыхлый снег, перемещались пустые корпуса от салютов и фейерверков, сделанные из плотного картона, и гонимые ветром. Томно позвякивая, покатывались кое-где порожние бутылки, редкие прохожие – торопливой рысцой спешили укрыться от холода, автобусов видно не было. Но какая-то неясная сила тянула меня ходить по этим, продуваемым стужей и обледенелым улицам, подставлять лицо морозному воздуху. Лихая злость на всё разом: моё одиночество, неустроенность, неясность того, что будет дальше, и какой-то дурацкий кураж от того, что в кармане у меня лежала небольшая пачка денег – овладели мной. Я упрямо топал под порывами жгучего ветра, не имея совершенно никакой цели, поворачивая, куда глаза глядят, и бормотал, словно помешанный: «Нет уж, я ещё окончательно не стёрт… Я ещё трепыхаюсь! Я не собираюсь сдаваться»! – а на ресницах замерзали слёзы. То ли от ветра, то ли от того, что никто меня не ждёт. Намёрзнувшись вдоволь, я с наслаждением вернулся в жилище, где обитаю. Пусть неуютное, чужое, но тёплое. Ёлочка-сосенка всё ещё издавала

тончайший лесной запах. У соседей за стеной справа – возобновилось бурное празднование, после недолгого перерыва… Я поставил разогреваться чайник, выпил полфужера «Metaxa», что бы согреться окончательно и, уставившись в окно в кухне, глядя вдаль, где за городом разлеглись заснеженные поля, и чернели голыми стволами заметённые снегом леса, вдруг решил: «На Рождество я поеду к родителям и брату, в свой родной городок»! И на душе сразу стало свободнее и светлее, будто выпорхнула она из неведомой клетки… Но тут же вспомнилось из детства: по весне мы с братом в саду выпускали птичек, зимовавших у нас дома. Как они весело выпархивали на волю, а потом, отвыкшие летать, садились на ближайшую ветку дерева, и сидели неподвижно, беспомощно и растерянно крутя головками по сторонам…

Я никуда не поехал. Второго января ко мне, с выпивкой и закуской, пришли с утра оба Серёги, и стали уговаривать поторговать до пятого января, пообещав заплатить по две тысячи за каждую проданную кассету. Торговать, правда, особо было нечем, но выручку, хоть какую-то, взять было можно… Тем временем, они бы усердно тиражировали копии к субботнему Центральному рынку, который приходился на шестое января. Потом бы – я отвёз их на рынок, а сам постоял на нашем местном, тоже продавая кое-что. Таков был их план. И я согласился. К тому же – они меня уверяли, после праздничных дней – торговля резко упадёт. Так оно всё и вышло. После праздников я только исполнял свои обязанности дворника, деньги поразительно быстро заканчивались. Мой напарник Вовка – тоже пропился изрядно. Он ходил дня два хмурый и неразговорчивый, что-то обдумывая сосредоточенно и скрупулёзно. На третий день он сообщил мне:

– Саня, без денег – труба!

– Согласен, – ответил я ему, хотя кое-какие деньжата у меня ещё оставались, и я, даже, покупал своему другу курево.

– Саня, – таинственно просипел Вовка, зыркая глазами по сторонам, – на дело идти надо! Я тут карасей погонял – всё должно быть «чики»!..

– Каких « карасей»? – не понял я. – И, на какое дело? Банк грабить?

Наверное, я так тупо уставился на него, что мой напарник хрипло хохотнул и пояснил:

– Это по «фене»… Ладно, слушай – расклад такой. Завод наш «Электрон» загнулся. Его на металл режут. А сколько там можно взять меди, алюминия, даже технического серебра?! Если знать, где брать… А я – знаю! Я на «Электроне» восемь лет, после «зоны», карщиком отработал! Весь его объездил! Все участки… – глаза у Вовки вдруг загорелись, он так возбудился, что забыл про окурок между пальцами и тот, истлев, обжёг ему кожу.

«Электрон» располагался прямо через дорогу, с северо-западного конца рынка. Три четверти рыночных торговцев – были выходцами оттуда. Ещё совсем недавно, гордый, славный и богатый завод – теперь представлял собой жалкое, удручающе – тоскливое зрелище, словно труп некогда величественного государя. Взирая на улицы выбитыми окнами просторных цехов, вырастив на мягкой кровле корпусов кустарник и траву, с обвалившимся местами, забором, он походил на наше новое государство – запущенное и бесхозное… Среди его многочисленных бывших работников – распространялись упорные слухи о том, что завод вот-вот купят неведомые иностранцы, и всё опять вернётся: работа, перспективы, прежняя замечательная жизнь. Но завод никто не покупал, и он окончательно погиб. То, что предлагал мне Вовка, называлось банально: кража. Но разве не обворовали нас всех с ваучерами? И, с какой стати, я теперь должен быть порядочен по отношению к государству, если оно оказалось ко мне непорядочным?

– Володя, насколько я знаю, там охрана… И военное производство было. Если поймают…

– Да ладно тебе, – перебил меня мой напарник, – ночью пойдём. Охрана там бухает и спит. Говорю же, всё разузнал. Дело верное, братуха! Один человек цветной металл скупает, и за границу гонит. Цену даёт хорошую. Мент бывший. Деньжат срубим уже утром! У меня на заводе все ходы известные. Я ведь раньше – кинескопы там таскал, когда работал. А от охраны,

на крайняк, откупимся… Жрать – то все хотят! Я на кинескопах хорошие деньги делал. Да жаль, пропивал много, дурак был…

Я согласился, почти не думая! Выбора не просматривалось, жить как раньше, на поганой лапше, уже не хотелось… На дело пошли мы морозной, ясной ночью. Плотный, искрящийся снег скрипел под ногами – казалось оглушительно, предательски… Мы проникли на территорию бывшего завода сквозь пролом в бетонном ограждении, и пошли по снегу след в след: Вовка впереди, я за ним. Почему-то я был абсолютно безразличен к происходящему, только сердце колотилось учащённо и глухо. Вокруг – безмолвное безлюдье. Вдалеке, неясным контуром, очерчена будка постовых. В окне свет не горел, но из печной трубы на крыше – столбом поднимался дым, видимый при лунном сиянии. Я тронул Вовку за рукав, указал на будку. Тот махнул рукой и прошептал:

– Спят, как сурки. Я же говорил!

Мы подошли к зданию какого-то бывшего цеха. Входные металлические двери оказались надёжно заварены, но на первом этаже несколько оконных проёмов зияли пустотой, будто рот с выбитыми зубами. Мы, подтянувшись до пояса, живо оказались внутри. У нас были припасены два солдатских вещмешка, взятые мною, остро отточенный топорик, ножовка по металлу и несколько запасных полотен к ней, небольшой ломик, два фонаря.

– Это электроподстанция, – сиплым шёпотом пояснил Вовка.

На полу валялись осколки стёкол, доски, железки, всякий хлам. Сквозь окна грустно взирала на нас полная луна. Осторожно ступая по скрипящим осколкам (их ломающийся треск мне показался невероятно громким), направились к ряду электрошкафов, стоявших в глубине помещения. Дверцы их были распахнуты настежь, и, кроме обрывков проводов и искорёженных крепёжных приспособлений, внутри ничего ценного не обнаружилось. Вовка едва слышно выругался, прошептав, обернувшись в мою сторону:

– Опоздали, без нас раскурочили…

–Теперь куда? – раззадоренный происходящим, возбуждённо поинтересовался я. Во мне вдруг проснулось лихорадочное желание поживы.

Вовка сделал жест рукой: «Идём дальше», как в новомодных американских боевиках. На высоте – около четырёх – пяти метров, вдоль стен на кабель – полках, покоились толщиной в мою руку, кабель – линии. Те, кто побывал здесь до нас, видимо, не сообразили, как до них добраться. Или – просто побоялись… Но – мы сообразили. Аккуратно повалили металлические пустые шкафы, подтащили к стене, водрузили один на другой, и Вовка залез пилить кабель. Мне же он прошептал:

– Иди к окну, на шухер! Если пойдёт охранник – без паники! Договоримся. А если мент – то в разные стороны рвём, и друг друга не знаем!

Я молча, кивнул. Ножовкой мой друг орудовал ловко и споро; не прошло и пяти минут, как он засипел:

– Передвигаем пирамидку! Один конец готов!

Мы тихохонько, напрягая слух, стараясь не громыхать, переместили конструкцию, и Вовка взялся за дело снова. Я сообразил подхватить отпиленный отрезок с одного края, чтобы он с грохотом не слетел, и мы аккуратно уложили его на полу. Тут было около шести метров четырёхжильного высоковольтного кабеля, квадратного, довольно толстого сечения. Молча показав друг другу большие пальцы, начали с двух сторон – я топориком, а Вовка острым, словно бритва, сапожным ножом, который он достал из кармана, резать многослойную оплётку, обнажая медь, похотливо заблестевшую при ярком лунном свете. Медные кабельные жилы мы разрубали и складывали в вещмешки, стараясь размещать поровну, что бы легче было нести обоим. Осмотревшись, передохнув, мы отпилили второй большой отрезок. И когда наши «сидора» стали почти неподъёмны, ушли, ступая так же – след в след, и напряжённо оглядываясь по сторонам, готовые в любую секунду броситься в разные стороны, как зайцы, мгновенно

избавившись от ноши. Вовка повёл меня через дорогу к дому, стоявшему напротив завода тёмной, прямоугольной громадой.

– В подвале у моей подруги спрячем, – объяснил он, – я ключ у неё взял. Завтра, до обеда, ты меня прикрой на работе, а я – толкану добычу. Я уже договорился… Я здесь раньше кинескопы ныкал… Вот, времена были!.. – и Вовка тяжело вздохнул.

А я сделал вывод: пока мы с семьёй сводили концы с концами, не получая моё офицерское жалование по четыре месяца, и живя на скромную зарплату моей жены – библиотекаря, мой друг оперировал миллионами! Уже дома, долго ворочаясь, не в силах уснуть от возбуждения, я думал: «Судя по весу, за медь нам заплатят неплохо! И так всё легко вышло! Оказалось, что воровать-то выгоднее всего! Хотя, почему – воровать? Кому принадлежало то, что мы взяли? Да никому, по сути»!..

Вовка пришёл на рынок после обеда. Довольный, выпивший, с пачкой сигарет «Мальборо»… Он потащил меня в нашу промёрзшую будку, извлёк из-за пояса ополовиненную бутылку коньяка, а из кармана – два крупных мандарина. Коньяк протянул мне. Я залил в себя, сколько смог, зажевал кисло – сладкой, сочной мякотью. После этого – мой друг протянул мне четыре стотысячных купюры. Допил оставшийся коньяк, и весело сообщил:

– Саня, я Надьке, подруге своей, пятьдесят «кусков» отвалил… За подвал её… Сам понимаешь, без подвала – нам никак!

– Володя, сколько с меня? – понимающе спросил я.

– За бухло – нисколько! – великодушно махнул рукой мой подельник, – а за подвал – в пополаме…

Я тут же побежал разменивать купюру. Когда я вернулся, Вовка спросил серьёзно, глядя мне в глаза:

– Ещё пойдём?

– Да! – твёрдо ответил я ему.

– Саня, мы с тобой озолотеем там, – убеждённо вполголоса рассуждал он. – Я такие места знаю… – и Вовка, для придания убедительности своим словам, подкатывал глаза. Его уверенность в удаче и моя жажда денег, в которых я отчаянно нуждался – сделали меня абсолютно беспринципными и циничным. Наглая вера в безнаказанность вселилась в меня, я был готов ко всему… Следующее «дело» Вовка спланировал и организовал просто блестяще. Я ещё тогда подумал: «Его бы голову, да на должность командира батальона армейской разведки!» Смакуя окурок «Мальборо», он, в нашей железной будке, вынув из кармана свёрнутую пополам школьную тетрадку, рисовал карандашом схему подземного кабель – тоннеля, который являлся резервным, и должен был обеспечивать электроэнергией производство в случае аварии на основной линии.

– Смотри, Саня, – хрипел он, горячась, – здесь дверь в тоннель… Она из металла, но закрыта на висячий замок. Мы его аккуратно: рраз, и – нету замка! Идём внутрь… Режем спокойно кабели… Самые толстые! Оплётку убираем. После – уходим… Дверь закрываем на наш замок, который с собой прихватим. Следы на снегу – заметаем веником… Мы так на зоне делали, когда подходили к запретке – перебросы ловить! На следующую ночь – идём, и забираем своё. А там столько кабелей, Саня! Таскать и таскать! – и Вовка мечтательно и блаженно улыбался, видимо представляя, какие кучи денег нас ожидают в скором времени…

В кабель-тоннель мы полезли в метельную ночь, глаза засыпал колкий снег, но это было нам, как раз, на руку! Шли уверенно, не боясь никого, дело делали спокойно, кабели отпиливали не торопясь, основательно курочили силовые щиты, извлекая оттуда медные шины и трансформаторные катушки. В подземном кабельном бункере была гробовая тишина, сырой, спёртый воздух заставлял дышать учащённее. Мы оба вспотели, но не обращали внимания на это. Уходя, часть медных толстых жил, забрали с собой. Сколько смогли унести. Часть – оставили на завтра. Замок повесили свой. И потом, сгорая от азарта и острого ощущения опасно-

сти, которая, казалось, кралась следом, таскали несколько ночей подряд в подвал Вовкиной «дамы сердца» медь, латунь, алюминий. Мы измучились так, что, не поспав толком несколько ночей, решили сделать перерыв. В последнюю воровскую ночь, я шёл в своё жилище в пятом часу утра, совершенно отупевший от усталости, мечтая только о том, чтобы вытянувшись на старом продавленном диване, поспать часа три, как вдруг, перед самым домом, меня ослепил свет фар милицейского патрульного автомобиля.

– Что по ночам блудишь? – спросил меня мордастый прапорщик, лениво выгружая из милицейского УАЗа свой объёмный зад, – документы показывай.

– От бабы иду, домой, – спокойно отвечал я. – Вот в этом доме и живу. Документы в квартире.

– Что в карманах – показывай! Руки – показывай! – последовала грубая команда.

Мне ударило в голову бешенство кадрового офицера, которым какое-то быдло смеет командовать! Но я взял себя в руки. Спокойно вывернул карманы, показал ладони, даже поднял рукава, почти до локтя. Работали мы в перчатках, ладони я протёр снегом, перед тем, как идти спать, поэтому был совершенно внешне невозмутим, хотя в груди сердце бухало так, что казалось – этот наглый мент услышит… В карманах, кроме сигарет, спичек и ключей от квартиры – ничего не лежало. Жирный прапор милостиво процедил:

–Ладно, иди… – и загрузился, кряхтя, в машину.

Утром, когда обсуждали с Вовкой эту внезапную встречу с милицией, мой подельник задумчиво говорил:

– Это не случайно, Саня! Не мы одни, видать, там пасёмся. Менты рыскать начали… Значит, кто-то спалился, его взяли, отбуцкали… Он и сказал со страху, что не один был. И наплёл им про Митю Горбатого. Завяжем мы временно. Пусть всё утихнет. Неохота мне новый срок тянуть. А тебе – и совсем ни к чему. Ты вот послушай, знаешь что?.. У моей Надьки подружка есть. Разведённая молодая бабёнка… Ничего, так… Беленькая, стройненькая… Хошь, познакомлю? Соберёмся в субботу у Надюхи на хате! Деньги при нас… Надюха всё приготовит! Посидим по-человечьи… Ты и Лариса, друг дружку обглядите, сладитесь. Сколько можно сычём-то жить, как ты?..

Я не стал вдаваться в подробности, насчёт того, кто такой этот «митя горбатый», кого, и где «буцкали». Меня вдруг обдало жаром от желания познакомиться с женщиной! Пусть это будет длительное ухаживание, а не нырок в постель после застолья! Пусть! Я отвык от общения с ними совершенно. Я забыл, что такое прикосновение к женской руке… Я забыл про то, как лёгкие женские пальцы запускаются в волосы на моём затылке, а потом – впиваются в кожу спины… Я забыл, как женские губы целуют. Забыл опьянение от этих поцелуев. И захотелось всё вернуть… Немедленно.

Квартира Вовкиной подруги находилась в доме для малосемейных. Такие строили при прежней власти – во множетсве. В расчёте на то, что совсем скоро разросшиеся советские семьи переселят в новые, многокомнатные квартиры, а в освободившиеся – опять поселят семьи молодые, пока что бездетные… В подобных домах было всего два подъезда. На каждом этаже – по две двери, справа и слева от лестничного марша, за которыми – длинные коридоры с дверями отдельных квартир, по обеим сторонам. Жильё у Вовкиной подруги оказалась просторным: большая комната, совсем не тесная кухня, вместительный коридор с кладовками. Поразило то, что меня здесь ждали с нетерпением. Встретил меня в коридоре Вовка, но из комнаты донеслось женское, кокетливо – протяжное восклицание: «Ну, наконец-то»!.. Хотя, я и прибыл в точно обозначенное время! А из кухни шёл искушающий холостяка запах домашних кушаний. Обе женщины: хозяйка и её подруга – тоже вышли встретить меня. Лариса оказалась худощавой, длинноногой блондинкой с овальным, чистым лицом, аккуратным носиком, большими ярко-синими, затуманенными глазами, и крупным ртом, вокруг которого пролегли ранние тончайшие бороздки неизъяснимой, неведомой мне горечи… Она окинула меня юрким,

оценивающим взглядом, заиграла глазами, но так быстро, что я едва успел эту игру уловить. И, плавно качая неширокими бёдрами, прошла назад в комнату. Я поначалу дичился всего. И домашней атмосферы гостеприимства, и женского общества, в котором давно не бывал. Но, после нескольких выпитых рюмок, и непринуждённого общения, вдруг ощутил себя прежним, таким, каким не был уже множество веков, каким был в той – весёлой, но краткой жизни молодого офицера, безвременно оборвавшейся… Слегка захмелев, мы весело болтали. И мне казалось, что этих двух милых женщин – я знаю давным-давно. Потом я заметил в углу гитару. Не «Кримона», конечно, которая у меня была. Но вполне приличного вида. Плавно сорвавшись с места, я подхватил её, нежно покачивая на руках, как дитя. Затем пробежал пальцами по струнам, наигрывая «звёздочки», чтобы определить качество звучания. Покрутил колки, настраивая инструмент под себя, и заиграл…

Как же давно не брал я аккордов на гитарных ладах! И пальцы мои стали грубее, но оказались всё также послушны и быстры, как и раньше. Прокашлявшись и выпив рюмку коньяка, я начал петь… Всё подряд, что помнил, что приходило в голову. Белогвардейские песни сменялись старой советской эстрадой, битловские – блатными, романсы – просто мелодиями без слов. Играл и пел я жадно, будто пил из какого-то чистого источника в знойный июльский день, утоляя жажду с каждым новым глотком, и не в силах остановиться. Меня слушали в напряжённой тишине, не выпивая, не жуя… А когда я прервал пение и игру, чтобы передохнуть, Вовка хрипато заголосил:

– Саня, братуха! Ты же артист! – и полез, размазывая по щекам хмельные слёзы, обниматься. А я, мельком, бросил взгляд на женщин. Надя тоже расчувствовалась от моего выступления, и всплакнула. А Лариса – смотрела мне прямо в глаза, тепло и восторженно. И, еле заметно, улыбалась. Но так обещающе… Уходили мы с ней вместе. Едва закрылась входная дверь в квартиру Нади, я нетерпеливо привлёк к себе хрупкое, податливое тело Ларисы, и принялся неистово целовать её мягкие губы. Она порывисто обхватила меня за шею, горячо ответила на мои поцелуи, затем откинула назад свою голову, как бы отстраняясь, и прошептала:

– Не надо здесь… Не хочу!

– Пойдёшь ко мне? – сдавленным от волнения горлом, проговорил я, и она не колеблясь ни минуты, ответила:

– Да!

Мы тихо шли рука об руку по запорошенным недавней метелью улицам, в объятиях спокойных зимних сумерек. С неба, изредка и плавно, падали блёстки, легчайший воздух дарил сердцу безмятежность. Великолепие осыпанных снегом веток деревьев и кустарника вокруг нас, казалось, глушили звуки улицы, а глаза Ларисы в темноте – из синих, превратились в сапфировые. Они ласково и таинственно поблёскивали, глядя на меня по-особенному, с поволокой и светлой печалью. Так мне казалось тогда… И ещё, мне подумалось, что я знаю эту женщин столько, сколько живу. И с ней – я счастлив. Воспоминания о той, первой и единственной ночи, проведённой с Ларисой, до сих пор не умерли во мне, и будоражат мою душу.

Поздним утром она выдохнула, потянувшись грациозно, как кошка: « Саша, мне пора домой»… – быстро собралась и ушла. А меня вдруг начала грызть немилосердная тоска в опустевшей квартире. Я не находил себе места. Мне хотелось видеть её, разговаривать с ней, такой нежной, тёплой, уже родной. Я пошёл на работу, чтобы хоть как-то отвлечься от гнетущих мыслей, с невиданной энергией расчищал снег, обильно выпавший за ночь, и всё думал о Ларисе, заново переживая нашу с ней встречу и её ласки, её объятия. Вовка, который уже успел опохмелиться, и был удивлён тем, что я отказался разделить с ним бутылку водки, во время перекуров рассказал мне коротко о моей новой подруге. Работала технологом на «Электроне», была замужем за украинцем, который приехал на завод по распределению после института. Родила от него дочь. Почему они расстались – Вовка не знал. После остановки производства – украинец уехал к себе, а Лариса устроилась продавцом в цветочный магазин в центре

города, на углу улиц Профсоюзной и Институтской. Живёт с дочкой у матери. Завтра её смена. Этого «завтра» я едва дождался, ворочаясь в полусне ночью, мучимый нетерпеливым желанием видеть Ларису! Наступил понедельник. У нас выходной день. С утра я заспешил к ней в магазин. Душа просто разрывалась от желания увидеться…

Но в магазине сидела не она, а совсем другая, незнакомая пожилая дама, и на мой вопрос о Ларисе только пожала плечами: «Должна была выйти, но не вышла. А почему – неизвестно»… Я потоптался немного, ошарашенный. Какое-то неприятное, тревожное предчувствие овладело мной. Вышел на улицу, озираясь по сторонам ничего не видящими глазами, не понимая, куда направиться. Ноги сами понесли меня в сторону Центрального рынка, неподалёку от которого, в старом одноэтажном доме, жил мой единственный в этом городе друг. Он гулял со своей дочкой во дворе. Девочка каталась на санках с горки, которую Вовка ей соорудил, а он стоял и с любовью наблюдал за тем, как резвиться его поздний ребёнок, хрипло хохоча вместе с ней. Увидев меня – радостно заулыбался, блеснув фиксами:

– О-о-о, Саня! Ты чего такой смурной? – и перестал улыбаться.

– Лариса пропала… – выдавил я из себя, – на работе её нет. Где она – неизвестно…

Мой напарник пожал плечами: мол, мало ли, какие причины могут быть. Потом ещё раз взглянул на меня, и произнёс задумчиво:

– Самогону, хошь? Ядрёный… Для себя выгонял.

– Не хочу.

– Саня, не знаю, где она живёт. Но завтра у Надюхи разузнаю! Ну, чё ты! Не переживай!

– Надоело, Володя, одному, как волку старому… Показалось – встретил подходящую женщину. По сердцу она мне пришлась, понимаешь?

– Понимаю, – хмуро покивал мой друг. – А может, налить самогоночки?

– Нет – нет! Не надо! Да и пора с пьянкой заканчивать! – с этими словами я пожал его руку и ушёл потерянно, как на Новый Год, бродить по чужым мне улицам этого города, который, будто бы в плен меня захватил, и не было никакой возможности освободиться!

Слово своё Вовка сдержал. Заглянул к своей «даме сердца», узнал адрес Ларисы, но сообщил, что дома её нет. Вечером в воскресенье ушла куда-то, и больше не появлялась.

– Пропала, значит? – встревожился я.

– Нет, Саня. Тут другое… Находит иногда на неё. После развода с мужем. То – ничего… Живёт спокойно, с дочкой занимается. А то – ударяется в загул. Шляется, неизвестно где, бухает, неизвестно с кем… Может дня на четыре исчезнуть. Потом появляется. Потрясучая вся, грязная, мятая. В ванне отмокает, отлёживается, чаем с мёдом отпаивается. И опять – баба, как баба… Такие дела, Сань… Но, клянусь на «петуха», я этого не знал! – и мой друг виновато посмотрел на меня.

«Ха – ха – ха!» – горько рассмеялся я про себя. И начал ожесточённо скалывать наледь ломом. «Дворник – алкоголик, уже не молодой, побитый жизнью, словно молью поеденный, и молодая красотка – алкоголичка! Прекрасная мы с ней пара! И теперь тебе, дворнику – говночисту, всю жизнь придётся общаться только вот с такими ларисами! Потому, что ты – на самом дне! Опустился сюда легко, а вот, поднимешься ли – большой вопрос! Иногда это уже невозможно»… Но всё же, внутри меня, жила крепкая уверенность в том, что я изменю свою судьбу. Предчувствие крутых перемен, почему-то, не покидало…

Лариса пришла ко мне сама. Вечером, в четверг, на этой же неделе. В дверь неожиданно раздался короткий звонок. Я в недоумении открыл – на пороге стояла она. С синюшностью под набухшими нижними веками, с потухшим взглядом, выражавшим полное безразличие, одутловатым лицом. Губы её подрагивали, и всё тело колотило мелкой дрожью.

– Саша, – еле – еле выговорила она, – выручи, пожалуйста. Иначе – умру…

– Проходи, – коротко ответил я, и помог снять ей шубку и шапочку.

Она стала, было, расстёгивать сапог, приподняла ногу, покачнулась. Не удержала равновесия, и грохнулась на пол. Я стянул с неё сапоги – новые, замшевые, но в чём-то вымазанные. Провёл на кухню. Лариса тяжело опустилась на табуретку, положила ладони на стол. Руки её – прямо плясали. И пахло от Ларисы теперь не тонкими духами, и ухоженным молодым телом, а смрадным перегаром, потом, и въевшимся в одежду и волосы, табачным дымом. Грязные космы на голове свалялись и выглядели крайне неряшливо. А ведь ещё, совсем недавно, я ласково перебирал их, любуясь красотой, сгорая от нежности…

– Дай чего-нибудь выпить, Сашенька, миленький… – простонала она. – Пожалуйста, дай. Плохо мне. Сердце останавливается…

– Сейчас – коротко ответил я, достал из холодильника бутылку водки, налил ей рюмку. Она выпила единым махом, не морщась, абсолютно спокойно, словно воду. Лицо её покрылось испариной. Затем, молча, налила уже сама себе ещё, шумно глотнула и выдохнула. Я придвинул ей бутерброд с колбасой, который успел соорудить. Лариса нехотя откусила, пожевала. Взглянула на меня уже осмысленно.

– Поесть горячего, хочешь? – предложил я ей.

–Да, очень хочу теперь… – оживилась она. – Я уже забыла, когда ела в последний раз. Так, только, закусывала…

Пока я разогревал для неё куриную лапшу, Лариса приняла ещё две рюмки, и совершенно опьянела. Она с трудом доносила до рта ложку, клюя носом, медленно жевала, и через усилие глотала. Но доела всё, что было в тарелке. И тут же уснула, положив голову на стол. А мне стало, как-то, не по себе. Я оказался впервые с женщиной, пьяной до бесчувствия! Я отнёс её на диван, словно куклу. Снял с неё измятую юбку, джемпер, накрыл тёплым одеялом. Сам лёг спать на старой, скрипучей раскладушке. Всё ночь моя неожиданная гостья стонала, всхлипывала, бормотала что-то невнятно, словно бредила. Потом внезапно вскочила, села, тревожно озираясь, и испуганно вскрикнула:

– Где я!?

–Всё нормально, Лариса. Ты у меня. Я – Саша, твой друг… – ласково заговорил я с ней, она тут же успокоилась и заснула.

Утром, когда я уходил на работу, она лежала неподвижно, и её дыхание слышалось еле – еле. Когда я пришёл пообедать, Лариса продолжала лежать так же ничком, но уже с открытыми глазами, смотрящими безмерно тоскливо, и в одну точку. На рынке я купил мёда и сделал чай. Она приняла кружку тряскими руками, стала пить осторожно, как бы нехотя. Но выпила всё, и захотела ещё. От еды Лариса отказалась. Попросила разрешения помыться в ванне. Я дал ей полотенца и ушёл снова на рынок. Обо всём рассказал Вовке. Мой друг только печально вздохнул. Когда я вернулся домой – Лариса сидела на диване, завернувшись в одеяло, совершенно голая.

– Я постирала свои вещи – слабым голосом сказала мне она, – как только высохнут, я сразу уйду.

– Я тебя не гоню. Оставайся до утра уж… Приди немного в себя.

Я дал ей свою тельняшку, оказавшуюся на Ларисе, как платье – мини. За ужином она вдруг горестно вздохнула:

– У меня пропало колечко. Золотое, с рубином. Покойник папа подарил в честь окончания школы… А я – даже и не помню, как пропало, и где.

– Наверное, там, где ты была все эти дни, оно и пропало, – предположил я. – Ты, хотя бы помнишь, где была, с кем выпивала?

Она печально покачала головой. Ещё раз вздохнула и задумчиво произнесла:

– Смутно помню… Всё, как в тумане.

После ужина Лариса опять легла, закутавшись в одеяло, сжавшись в комок. Чувство брезгливой жалости к ней охватило меня. Я не стал лезть с нежностями, но колечко пообещал

найти, надеясь на помощь своего друга. Ушла Лариса утром, не прощаясь… Навсегда. Колечко её обнаружилось на следующей неделе. В угаре загула, Лариса заложила его цыганам, продающим бимбер. Я выкупил вещицу за сто тысяч, но сам относить Ларисе не стал. Не хотел бередить себе душу… Попросил сделать это Надю. После – она передала мне слова благодарности от своей непутёвой подружки. Больше ничего…

И снова я один. Никаких желаний, кроме как выпить водки, не испытываю. Приняв несколько рюмок, ложусь спать. Среди ночи просыпаюсь, рассматриваю в темноте потолок, узоры на старом, пахнущим пылью ковре, висящим на стене, возле дивана. О Ларисе стараюсь не думать, хотя желание видеть её у меня, если честно, не пропало. Вовка несколько раз затевал разговор о том, что может познакомить меня ещё с одной женщиной. Нормальной. Она вдова, ей, хотя бы, какого – нибудь мужичка… Но мне какую – нибудь не надо. Однажды ночью мне приснился замечательный сон: я иду по рынку ласковым летним утром в военной форме, с майорскими погонами. Весь такой в себе уверенный, со всеми здороваюсь, улыбаюсь… И мне в ответ улыбаются. И всё у меня хорошо, всё наладилось…

4.

На попойку по случаю 23-го февраля, Серёги пригласили меня за неделю до события. В этот день они оба вышли торговать, хотя и был понедельник – выходной для работников рынка, и торговцев. Водка и закуска находились прямо под прилавком. Выпивали, беседовали, и попутно, торговали. Продажа шла бойко. Было холодновато, но солнечно. В самый разгар нашего празднования, на рынке появился Чика. Он подошёл к нам вразвалочку, не спеша поздоровался со всеми за руку, поинтересовался новинками, потом неожиданно обратился ко мне по имени:

– Саня, тема есть-на… Пойдём-на в кафе к Томазу, там потолкуем-на!

– Пойдём…– недоумённо пожал я плечами.

Грузин Томаз открыл кафе незадолго до Нового года. И процветал, потому что Чика, ничего мимо себя не пропускавший, с ним – в доле. Внутри кафе мне бывать ещё не приходилось. Только в подсобке, когда помогал выгружать привозимый товар, вместе с Вовкой. Мы прошли в пустующий, уютный зал. За стойкой скучала Эка – дочь Томаза. Молодая, хрупкая брюнетка с огромными зелёными глазами, тонкими чертами лица, и носом с горбинкой. Чика велел запереть дверь, повесил табличку «Закрыто», по-хозяйски расположился за столиком, пригласил сесть и меня. Эке сказал принести графинчик с водкой, томатный сок, чай и новомодную пиццу. Девушка неслышной походкой ускользнула исполнять.

– Как жизнь, Саня? – начал разговор мой шеф, и я сразу понял: издалека заезжает…

– Нормально, Николай…

– Цветмет-на с Бакланом весь перетаскали с завода-на? Дело-на подсудное… Попадётесь – спросят-на, по-взрослому!

– Мы пока прекратили… Там милиция крутиться начала.

– Ну, это пока… Баблосы нужны будут – опять рискнёте-на!

Я неуверенно пожал плечами, подумав про себя: «Откуда ему всё известно»? А Чика хитро, зыркнув на меня своими лучистыми ледышками глаз, словно услышал мой вопрос, и пояснил:

– От мента бывшего, который у вас скупал-на, всё узнал… – и хохотнул коротко. А потом добавил: – А ты молодец… Не побоялся-на воровать-на! И фартовый! Хоть и фраер-на по жизни… – тут он замолчал, потому что подошла Эка, и стала расставлять на столе посуду с закуской и выпивкой. Чика налил мне стопку водки, сам взял чашку с чёрным дымящимся чаем:

– Ну, давай-на, за наш праздник, Саня! Я ведь тоже погоны носил. Служил в морской пехоте-на. В Североморске!

Я очень удивился такому сообщению, поднял рюмку и произнёс краткий тост:

– За тех, кто в сапогах! – Чика кивнул головой и отпил глоток чая. Алкоголь он не употреблял вообще, и не курил.

Выпив свою рюмку, я запил водку глотком томатного сока, и закусил сочным кусочком пиццы. А мой шеф продолжал:

– Я к чему разговор этот начал-на… Меня братва в Москву забирает-на! Делами ворочать серьёзными-на! А здесь смотрящий нужен, вместо меня-на! Среди наших – не нашлось подходящего. Кто подсел надолго. Кто в земле-на… – тут Чика горестно вздохнул и перекрестился. – А кто на стакане, или игле-на плотно сидит. Мозги-на не варят… Кто просто с головой не дружит. А ты-на, можешь не пить-на, если захочешь. На крайняк – закодируем тебя. По армейке тебя-на – тоже хвалят. С солдат не тянул-на калабашки, беспредела не допускал, начальству-на зады не вылизывал! Путёвый пацан, по понятиям, если-на! Вот и предложил я людям поставить тебя-на сюда, вместо меня… – и испытывающе посмотрел прямо в глаза. Я был просто ошарашен, налил себе ещё стопку, судорожно глотнул обжигающую горечь, и резко выдохнул, даже забыв закусить. Предложение Чики показалось мне настолько диким, что я и не знал, как ему отвечать. А он продолжал, между тем – спокойно и уверенно:

– Ты – пацан рисковый, но рассудительный-на. Сам подумай. Спалитесь вы с Бакланом-на, никто не выручит-на! Срок мотать придётся тебе. Не дай Боже-на, конечно… Откинешься-на, и опять сюда, говно-на прибирать… А моё-на дело, оно верное! Если по уму, конечно! – Чика плеснул мне в стопку ещё водки, и продолжал:

– Секи, расклад такой -на… Согласишься стать на моё место-на – будешь при «бабках». Хату себе снимешь нормальную, тёлку найдёшь дельную… Прикид купишь-на… От сбора взносов, тебе будет-на капать процент. Хороший-на! Здесь можно деньгами-на крутить! Платят все, кому-на – сколько назначили. Ну, кроме мелочёвщиков. Типа твоих кентов – Серёг! Кто будет быковать-на, позвонишь по одному телефону. Братва приедет – стойло укажет-на! Менты у нас прикормлены-на, прокуратура – тоже. Пойми, Саня, сейчас сила-на и власть – мы! Будешь в авторитете-на, дальше пойдёшь. А эта кафешка-на – просто прикрытие-на… Потом поймёшь! Я тебя-на, сейчас с ответом не тороплю. Подумай-на денёк. А перед людьми-на, я за тебя поручусь… Моё слово-на вес имеет! – и опять посмотрел мне в глаза едко, испытывающе.

Поначалу у меня захватило дух… Даже не верилось, что всё происходит наяву! Так ясно представилось сразу: я, хорошо и по последней моде одетый, хожу по рынку, и все заискивающе здороваются, в глазки засматриваются… Живу в просторной, светлой квартире, вкусно питаюсь, а вечерами меня ждёт молодая красавица… Мы катаемся с ней по городу на крутой тачке, не заботясь о соблюдении правил дорожного движения, и все кругом шепчут: «Саня Погон со своей поехал»..! И, главное – мне самому не нужно никого принуждать платить, бить, ставить на грудь включённый утюг… Это будут делать за меня «быки». У меня работа чистая, официальная. Директор рынка. Но, тут же меня обуяли и сомнения:

– Представим такой вариант – начал я, – приезжает областной УБОП, меня берут с деньгами какого-то коммерсанта. С поличным… И, что тогда?

– И ничего! – отрезал Чика. – У меня от каждого барыги расписка без числа, но с подписью-на! А там его рукой написано-на: «Я, такой-то, взял взаимообразно у Чикунова Николая Ивановича, столько-то-на. Обязуюсь вернуть-на с процентами». И подпись-на! Дело налажено. К тому же, мы кормим и адвокатов-на! А про операции УБОПа – хренопа-на, мы узнаём заранее! Серьёзные люди этим всем заправляют-на, Саня!

Я вздохнул, и подумал: «Вот я – хожу по рынку, собираю, а вернее, обираю людей. И, кого? Кто помогал мне, давая в долг, угощал меня домашней едой, выпивкой… Тех, кто знал меня, как, хоть и пьющего, но порядочного человека, который, бывало, находил кошельки с деньгами возле прилавков, и всегда возвращал их владельцам, не взяв себе ни тысячи жалкой… Нет, счастья на чужом несчастье не построишь. Вон, связался с Ларисой на ворованные деньги

– и ничего путного на получилось»… Чика, внимательно наблюдая за мной, своим звериным чутьём ощутил, какая внутри меня происходит ожесточённая борьба. Он откинулся на спинку стула, и проговорил:

–Ответ дашь завтра! Не позднее-на. О наших тёрках – никому… Иначе, сам понимаешь-на… – и провёл пальцем по своему кадыку.

– Николай, я не враг самому себе. И не болтливая баба. Ты же говорил – со мной дела можно делать… – но каков будет мой ответ ему, я уже знал. И проницательный Чика, видимо, это понял.

После внезапного исчезновения Николая с рынка, распространялись разные слухи: убили, посадили, разбился сам на машине… Человеческой фантазии – предела нет. Я помалкивал и продолжал работать, не встревая ни в какие пересуды. На его место вскоре пришёл, недавно освободившийся из колонии Вадим, по кличке Цыган. Смуглый, черноволосый, с блатными татуировками на руках… Вадим был наркоманом. Не приняв дозу – хмуро сидел в своём отсеке вагончика, и никуда не совался. Всё ему было безразлично. Раскумарившись, бродил по территории рынка с бессмысленным выражением влажных, тёмных глаз. А мы с Вовкой делали своё дело, и сходили ещё пару раз удачно на завод, за цветным металлом. Пока там не поставили дежурный милицейский наряд на автомобиле.

Зима закончилась. Потянулся нудный, влажный, хмурый март. Снег лежал почерневший, полумёртвый, постепенно превращаясь в глубокие грязные лужи. Показалась прошлогодняя пожухлая трава, кучи мусора – тут и там, невидимые под снегом зимой. И кроме нас с Вовкой, никому не была дела до этой грязи и отходов. Не знаю почему, но на своей территории, порядок мы наводили с фанатизмом, и рынок выглядел чисто.

Было промозглое утро понедельника – сонное, туманное, когда я затеял поход за продуктами по магазинам. Я шёл по совершенно пустой, словно вымершей, рыночной территории на другой конец, к овощному ларьку – купить картошки и лука. Навстречу мне двигалась знакомая, замеченная издали фигура в военной, пятнистой форме. В руках у прохожего был, так же хорошо знакомый мне, «дипломат» песочного цвета. Голова у военного сидела на плечах горделиво приподнято, слегка склоняясь к правому погону, из-под шапки, сдвинутой на затылок, выбивалась на лоб жиденькая прядь соломенных волос. Крупный, с горбинкой нос, с хищно раздутыми ноздрями, жадно вдыхал сырой мартовский воздух. Навстречу шёл бывший командир моей роты – Стас Мниховский! Он – поляк, уроженец Вильнюса, там же окончил военное училище. Кадровый офицер в четвёртом поколении, представитель древнего, по его рассказам, шляхетского рода. После выпуска офицерская нелёгкая судьба мотала Стаса по северам, где тяпнул он горюшка полной чашей. А потом забросила сюда, в этот город – командовать ротой учебного полка. Должность – малоперспективная, хлопотливая, но энергичному служаке Стасу – самое то, что нужно было. Курсантов, которым предстояло стать сержантами и младшими специалистами, Стас гонял нещадно. Строевым сержантам, замкомвзводов – тоже доставалось. Но Мниховский умел за полгода из распущенного гражданского гопника, маменькиного сынка, или хитрого лодыря – вытрясти всю, или, почти всю дурь, и превратить в солдата, способного достойно выполнить поставленную задачу. Девизом на службе у Стаса было банальное, но, в общем-то, верное высказывание: «Делай, как я. А не, как я сказал»! Невысокого роста, кажущийся субтильным, плюгавым – он был на самом деле жилистым, ловким, и физически сильным. Занимался каратэ в молодости. И продолжал тренировки в перерывах между пьянками и гулянками, на которые оказался тоже горазд. Стас бегал вместе с солдатами кроссы, лично показывал упражнения на спортивных снарядах, тягал полуторопудовые гири, делал жим штанги, лёжа, и умел многое другое… Курсанты его уважали, боялись, и слушались беспрекословно. Хотя, по отношению к ним, Стас проявлял нескрываемое высокомерие… Он мог отругать крепко, но никогда никого не унижал, как это часто случалось в войсках. Вникал в нужды наших подчинённых, требовал этого от меня, и взводных. С начальством же, напротив

– был резок, и вызывающе дерзок. Его выходки терпели только потому, что наша рота считалась на протяжении нескольких лет – лучшей в полку. Терпели, но продвижения по службе Стасу не давали.

Я с ним характерами сходился тяжело, но когда мы друг к другу притёрлись, то вернее друзей, чем мы с ним, в полку не оказалось. Выглядел Стас всегда безупречно, даже с сильного похмелья, что мне очень в нём нравилось. А ему импонировало во мне то, как я умею играть на гитаре и петь. После расформирования полка, он не захотел опять ехать вместе с семьёй к чёрту на кулички, уволился из армии, и наши пути разминулись… И вот, случайно, опять сошлись… Стас шёл задумчиво глядя себе под ноги, отрешённый от всего, мерно покачивая «дипломатом». По его покрасневшему лицу, я сразу понял, что мой старый армейский друг – уже навеселе. На погонах его бушлата солидно расположились майорские звёзды. Сблизившись с ним почти нос к носу, я негромко спросил:

– Куда путь держишь, командир?

Стас встрепенулся, словно спросонья, удивлённо посмотрел в мою сторону, вглядываясь внимательно в лицо, и воскликнул, в крайнем изумлении:

– Саня, ты?! Ты, что – воскрес? Я слышал – ты на машине разбился…– и полез обниматься. Я хотел спросить у своего друга: «Опять восстановился в Вооружённых Силах, что ли»? Но увидел на его рукаве шеврон с триколором и буквами: «РФ МВД», а он, молча, недоверчиво разглядывал мою фигуру, в поношенных джинсах, засаленном бушлате, и старой шерстяной шапчёнке. Будто-то бы не веря, что это я.

– Ты почему в таком виде, дружище? – произнёс ошарашено Стас, наконец.– И как в этих краях оказался?

– Живу я здесь теперь. И работаю. Дворником… На этом самом рынке. Иду харчей себе купить. У меня сегодня выходной.

– А как твоя Ольга на всё это смотрит? – продолжал недоверчиво Стас, сделав ударение на слове «это»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.